

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎
ОСЕНЬ — ЗИМА
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *катибов*»): секреты мастерства средневековых *катибов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПῚΡΟΤ (*ЕвИуд* 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Анিকেева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннесян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович	IN MEMORIAM	
А.А. Ковалев	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013		
© Институт восточных рукописей РАН, 2013		

И.Н. Медведская

Копьеносец из Сиалка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке

В статье рассмотрены древневосточные прямоугольные щиты, изображения которых сохранились на рельефах и на расписных изделиях II — начала I тыс. до н.э. Особое внимание уделено изображениям плетеных щитов, фактура которых передана на рельефах резьбой в виде «кирпичной кладки», а в росписи — «шахматной доской». В начале I тыс. до н.э., судя по ассирийским рельефам, прямоугольные плетеные щиты использовались только в странах Древнего Ирана. Сопоставление изображений таких щитов на ассирийских рельефах времени Саргона II, на греческой вазописи позднегеометрического стиля и на расписном сосуде из могильника Сиалк В (Иран) подтверждает предложенную автором ранее датировку расписной керамики из могильника Сиалк В второй половиной VIII в. до н.э.

Ключевые слова: Ассирия, Греция, Сиалк В, плетеные щиты, рельефы, вазопись.

Среди археологических памятников доахеменидского Ирана одним из самых важных является могильник Сиалк В. Именно с ним, как и с другим не менее известным поселением Хасанлу, связано решение вопросов хронологии, происхождения и культурных связей археологических памятников Ирана начала I тыс. до н.э. Могильник Сиалк В был раскопан и опубликован в 1930-е годы Р.М. Гиршманом (Ghirschman, 1939). Но до сих пор остается спорной датировка памятника; были предложены даты в пределах X–VII вв. до н.э. Одним из доводов в пользу его датировки второй половиной VIII в. до н.э. служит стиль расписной керамики Сиалка В. Следует отметить, что подобная вазопись в других памятниках Древнего Ирана не обнаружена.

Сиалковская роспись состоит из четырех конструктивных элементов: геометрического орнамента, силуэтной техники для изображения людей и животных, системы метопа — тригиф (орнаментированные пояски из чередующихся панно с изображениями, разделенными орнаментальными перегородками/тригифами), четвертый элемент представляет собой орнамент, заполняющий пространство вокруг силуэтных фигур. Конечно же, отдельные из перечисленных элементов встречаются в керамической росписи в различных культурах, в том числе и в Иране. Но именно сочетание всех четырех элементов образует структуру сиалковской вазописи, которая встречается главным образом на сосудах со сливом (чайниках) и кубках.

Эта структура сложилась и развивалась в Греции. Именно здесь к 760 г. формируется в окончательном виде вазопись позднегеометрического стиля аттической школы. На рубеже VIII–VII вв. до н.э. геометрический стиль сменился ориентализирующим, который принципиально отличается от предыдущего.

Различия между греческой и сиалковской вазописью очевидны. Однако сопоставление изображений на керамике обнаруживает не только структурное единство греческой и сиалковской росписи, но выявляет и второстепенные детали, которые свидетельствуют о традиционном подходе к сюжетной и орнаментальной изобразитель-

Рис. 1.
а) расписной сосуд, Сиалк В
(по: Ghirshman, 1974/1977, fig. 6), б) прорисовка fig. 6

ности (параллельными линиями изображены задние ноги копытных животных, «висящие» над их крупом на рамке метопы-треугольницы, точечные розетки, волнистые линии на ручках сосудов, крест, вписанный в круг на дне сосуда). Фригийская вазопись также испытала непосредственное влияние аттической школы вазописи, но она развивалась в другом направлении, быстрее приближаясь к ориентализирующему стилю. Сиалковская вазопись точнее следует структуре и принципам росписи геометрического стиля Греции (Medvedskaya, 1986, с. 89).

В связи с датировкой расписной керамики из Сиалка В важное значение приобретает изображение воина на одном из сосудов из этого могильника. Он изображен с кинжалом за поясом, с копьем в левой руке и прямоугольным щитом в правой руке (в боевой позиции щит находился бы в левой руке, а копье в правой руке) и, очевидно, со шлемом на голове (см. выше) (Ghirschman, 1974/1977, Taf. 26:6, коллекция Kofler Truniger) (рис. 1).

На Древнем Востоке щиты, как правило, изготавливались из плохо сохраняющихся органических материалов и поэтому главным источником информации о них служат изображения на каменных рельефах, на изделиях из слоновой кости или в росписи на различных изделиях, включая керамику. Металлические щиты той эпохи находят редко; чаще обнаруживают металлические умбоны, которые крепились, как правило, в центре круглого щита, сделанного из органического материала.

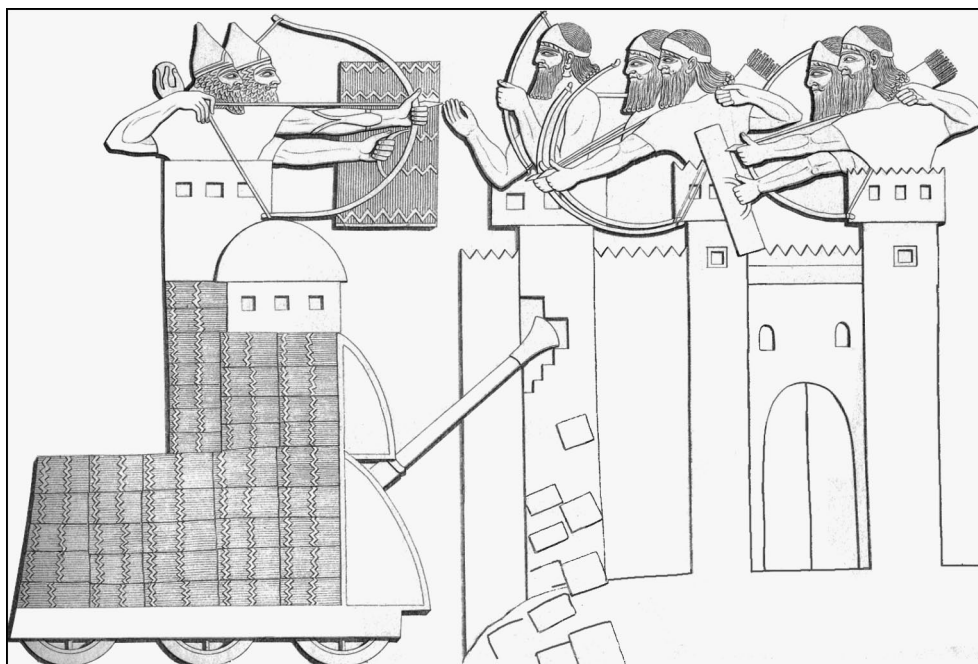

Рис. 2.

Рельеф из дворца Ашшурнацирапала I, Нимруд, IX в. до н.э.
(по: Layard, 1853 (1), pl. 17)

Щиты изготавливались, очевидно, из прутьев ивняка, тростника или делались из деревянных пластинок, которые скреплялись металлическими пластинками. Такие щиты изображались на рельефах узкими вертикальными полосками (Madhlloom, 1970, с. 57, pl. XVII:1, XXVIII:10–12, 16) (рис. 2). Так изображались ручные щиты и высокие станковые щиты, которые ставились на землю и защищали воина полностью, последние известны уже в III тыс. до н.э. (Горелик, 1993, табл. LXIII:3; LXIV:32, 32а, 36, 37, 41, 59, 71, 72; Madhlloom, 1970, pl. L:3). Иногда щиты обтягивались кожей. В таком случае поверхность изображенного на рельефе щита обычно оставалась гладкой или без дополнительного заполнения узором в росписи. Но в Египте во II тыс. до н.э. такие щиты расписывались. Помимо таких щитов во II–I тыс. до н.э. использовались щиты, сплетенные из прутьев. На каменных рельефах техника плетения передавалась так называемой «кирпичной кладкой», тогда как «шахматная доска» передавала плетение только в росписи. Оба способа изображения плетеных щитов зафиксированы уже во II тыс. до н.э. на египетских рельефах и на предметах, изготовленных египетскими мастерами (XIV–XIII вв. до н.э.) (рис. 3:6–7, 11–13, 17, 19). В начале I тыс. до н.э. изображения плетеных щитов в виде «кирпичной кладки» известны только на ассирийских рельефах, а в виде «шахматной доски» — на керамической росписи (см. ниже). Как египетская изобразительная традиция, спустя несколько веков, передалась ассирийским мастерам резьбы по камню и керамистам Центрального Ирана, не вполне понятно.

Во II тыс. до н.э. изображения щитов разнообразных форм фиксируются в трех регионах Древнего Востока:

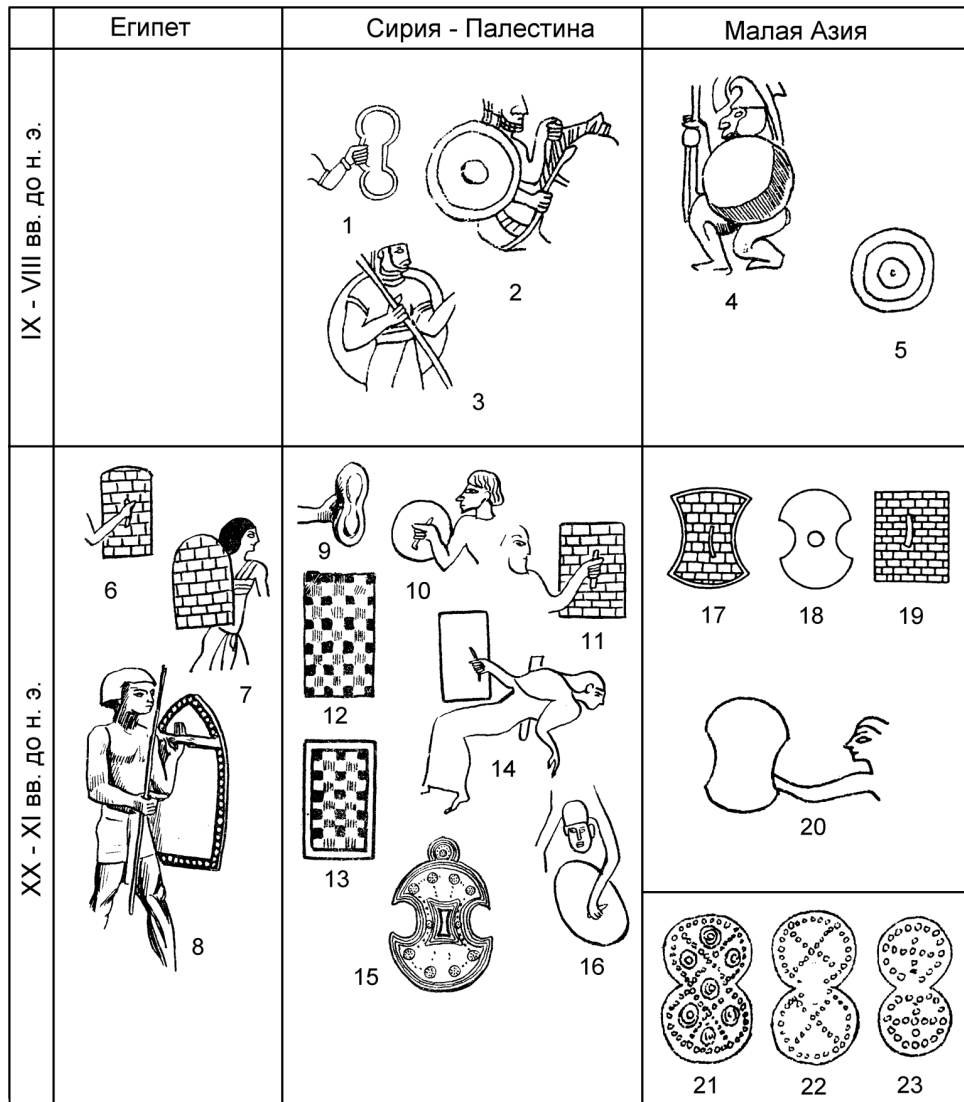

Рис. 3.

Щиты на Древнем Востоке во II-I тыс. до н.э. 1-4 — рельефы на ортостахах: 1 — Сам'аль (Зинджирли), IX в. до н.э.; 2 — Гузана (Тель-Халаф), IX в. до н.э.; 3 — Каркемиш, IX-VIII вв. до н.э.; 4 — Кара-тепе, ок. 730 г. до н.э.; 5 — костяная пластина, Гордион, мегарон 3, VIII в. до н.э.; 6, 7 — рельеф времени Рамсеса II, XIII в. до н.э.; 8 — деревянная статуэтка, Сиут, XX-XIX вв. до н.э.; 9 — бронзовая статуэтка, Мегиддо, 2-я пол. XI в. до н.э.; 10 — костяная пластина, Мегиддо, XIII-XII вв. до н.э.; 11, 14, 16 — сиро-палестинские воины, рельефы, Карнак, XIII в. до н.э.; то же, 12-13 — роспись на шкатулке, гробница Тутанхамона, XIV в. до н.э.; 15 — слоновая кость, Мегиддо, XIV-XII вв. до н.э.; 20 — хеттский воин в битве при Кадеше, египетский рельеф, XIII в. до н.э.; 21-23 — золотые фибулы, имитирующие форму щитов, Аладжа-Хююк, XXIII в. до н.э. (по: Горелик, 1993, табл. LXIII-LXIV); 17-19 — Анатолия, XIII в. до н.э. (по: Borchhardt, 1977, abb. 8)

1) В Египте использовались ручные прямоугольные щиты с закругленным или заостренным верхним краем, которые известны уже в III тыс. до н.э. (Горелик, 1993, табл. LXIII:8). Началом II тыс. датируются деревянные модели таких щитов и деревянные статуэтки воинов с такими же щитами (Горелик, 1993, табл. LXIII:9–10, 11–14) (рис. 3:8). Деревянные щиты обтягивались кожей и расписывались, иногда рисунок имитировал шкуру животного. Многочисленные изображения таких щитов сохранились в настенных росписях египетских сооружений начала II тыс. до н.э. (Горелик, 1993, с. 178, табл. LXIII:15–22). На рельефах XIII в. прямоугольные щиты с закругленным верхом изображены «кирпичной кладкой», передающей плетеную фактуру щитов (Горелик, 1993, табл. LXIII:47–48) (рис. 3:6–7).

2) В Сиро-Палестинском регионе прямоугольные щиты использовались уже в XVIII–XVII вв. (Горелик, 1993, табл. LXIII:50, граффити в погребении P3, Иерихон). В XIV–XIII вв. до н.э. прямоугольные щиты сиро-палестинских воинов изображали египетскими мастерами в виде «шахматной доски» на расписных изделиях (Горелик, 1993, табл. LXIII:59–60) (рис. 3:12–13), а на рельефах — в виде «кирпичной кладки» (Горелик, 1993, табл. LXIII:61) (рис. 3:11). В VIII–VII вв. «шахматная доска», по-видимому, заменяется кривой сеткой (роспись во дворце Тиль-Барсиб; финикийские серебряные чаши, Кипр: Горелик, 1993, табл. LXIV:29–30, 42). С XIII в. до н.э. в этом регионе начинают использоваться круглые щиты. Предполагается, что такие щиты были изобретены в Эгеиде и на юге Центральной Европы — родине «народов моря» — и были принесены в Палестину одним из «народов моря» — филистимлянами, осевшими на этой территории (Горелик, 1993, с. 179–180) (рис. 3:10, 16).

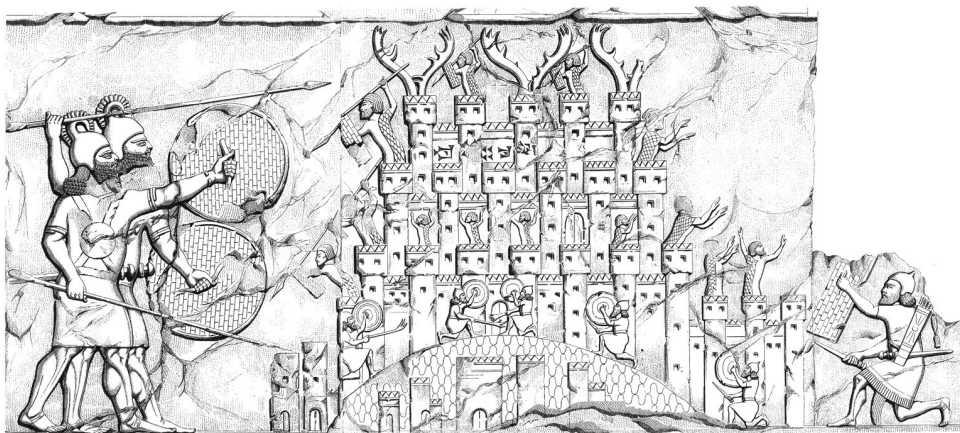
3) В Малой Азии издревле использовались восьмерковидные щиты (рис. 3:17–18, 20), что, в частности, подтверждают находки фибул, копирующих форму таких щитов (рис. 3:21–23).

В XIII–XII вв. до н.э., очевидно, в ходе усиления военных контактов начинается заимствование щитов. В Сиро-Палестинский регион проникают восьмерковидные щиты хеттского происхождения (Мегиддо: Горелик, 1993, табл. LXIII:63а, 64) (рис. 3:9, 15). У хеттов, судя по египетским изображениям, появились прямоугольные плетеные щиты (рис. 3:19), но круглых щитов у них не было. Количество круглых щитов, попавших в Египет в XIII в. вместе с «народом моря», увеличилось за счет круглых щитов военнопленных из стран Сиро-Палестинского региона, и впоследствии, видимо, такие щиты были взяты египтянами на вооружение. Но они здесь не прижились, и после правления Рамсеса III в XII в. ими перестают пользоваться (Borchhardt, 1977, S. E 28; Горелик, 1993, с. 179). Впрочем, исчезают и изображения этого вида вооружения в Египте. В начале I тыс. восьмерковидная форма щита в Передней Азии очевидно уже не использовалась. Сохранилось одно рельефное изображение такого щита на городских воротах Зинджирли (IX в.) (Горелик, 1993, табл. LXIV:6) (рис. 3:1).

В начале I тыс. на Древнем Востоке повсеместно используются круглые щиты. Теперь это могло быть связано с тем, что такие щиты стали основным видом ручного щита в Ассирии и Урарту. Изображения прямоугольных щитов известны только на ассирийских рельефах, но и здесь они достаточно редки.

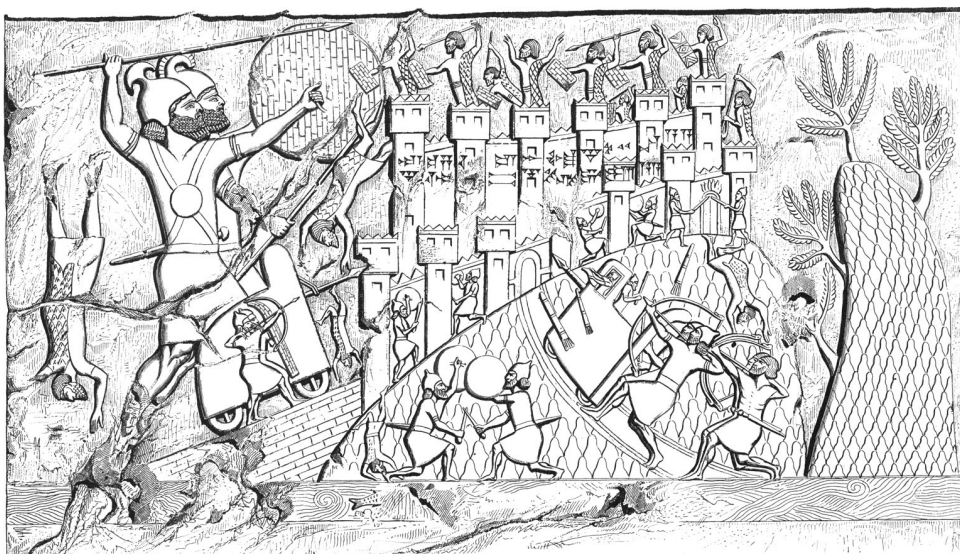
В правление **Ашшурнацирапа II** (883–859), судя по рельефам из Нимруда, ассирийские воины снабжены прямоугольными ручными щитами, фактура которых передана вертикальными линиями. В осажденных ассирийцами крепостях обороняющиеся держат гладкие прямоугольные щиты, вероятно, обтянутые кожей (Yadin, 1963, p. 388: 4, 5, 7; Madhloom, 1970, p. 57, pl. XVI:1, XVII:1, XXVIII:12a, b) (рис. 2).

Воины **Салманасара III** (858–824) пользовались круглыми ручными щитами и высокими узкими щитами, фактура которых передана вертикальными линиями (Yadin, 1963, p. 338–339, 406, 409, 411; Madhloom, 1970, p. 55, pl. XXVII:14, 15a-b; XXVIII:5, 7).

Рис. 4.

Осада крепости Кишессу, рельеф из Хорсабада, VIII в. до н.э.
(по: Yadin, 1953, p. 420–421)

Рис. 5.

Осада крепости Пазаша, рельеф из Хорсабада, VIII в. до н.э.
(по: Yadin, 1953, p. 425)

На рельефах **Тиглатпаласара III** (744–727) прямоугольные щиты отсутствуют, имеются лишь изображения круглых щитов различных модификаций (Madhlloom, 1970, p. 54–57, pl. XXVII:3–4).

Изображения плетеных прямоугольных щитов известны только на рельефах времени **Саргона II** (721–705). Такими щитами вооружены осажденные в крепостях Кишессу и Пазаша, и в одном случае — ассирийский воин, хотя все остальные осаж-

дающие эти крепости ассирийцы экипированы круглыми, в том числе плетеными, щитами (Хорсабад: Yadin, 1963, p. 420–421, 425; Madhloom, 1970, p. 57) (рис. 4; 5). Оба названных города находились в Северо-Западном Иране: город Кишессу располагался на границе с Мидией недалеко от города Сагбат/Экбатаны (совр. Хамадан), будущей столицы Мидийского царства (Медведская, 2010, с. 114–115, карта 2). Название топонима Пазаша («маннейская крепость в проходе, ведущем в страну Зикир-ту») восстановлено и идентифицируется с названием маннейской крепости Панзиш, заложенной для охраны от врагов из стран Андии и Зикирты (Reade, 1976, p. 98–99). Все три страны локализируются к юго-востоку от озера Урмия (Медведская, 2010, с. 65–66, карты-схемы 1, 4).

На рельефах времени **Синаххериба** (704–681) изображения плетеных прямоугольных щитов отсутствуют, имеются изображения только круглых, как и на рельефах Саргона, плетеных щитов (Madhloom, 1970, pl. XXVII:11). На рельефах из его дворца в Ниневии воины в осаждаемых ассирийцами крепостях защищаются прямоугольными гладкими щитами. Эти щиты удлиненной формы имеют вдоль узких краев узкие планки, которые могли скреплять продольные планки деревянного щита, обтянутого кожей (Paterson, 1915, pl. 15, 59).

Т.А. Мадлум отмечает, что прямоугольные щиты, сделанные из прутьев и изображаемые вертикальными линиями, известны со времени Ашшурнацирапала II (рис. 2), после правления Саргона выходят из употребления (Madhloom, 1970, p. 57). Однако хронологическая позиция прямоугольных плетеных щитов в ассирийской изобразительности не была им определена.

Между тем только враги Саргона оборонялись прямоугольными плетеными щитами; до него и после него поверхность прямоугольных щитов изображалась вертикальными линиями или оставалась гладкой. Владения этих «врагов» находились на территории Северо-Западного Ирана.

В связи с вопросом о времени существования прямоугольных плетеных щитов и основным ареалом их бытования важное значение приобретает изображение воина с таким щитом на сосуде из могильника Сиалк В. Фактура щита передана в виде «шахматной доски» (рис. 1). Подобные изображения щитов имеются в вазовой живописи позднегеометрического стиля Греции, они датируются в пределах 760–700 гг. (Snodgrass, 1964, fig. 2; 3:c; 27). Предполагается, что изображения прямоугольных плетеных щитов в греческой вазописи геометрического стиля появились под влиянием реально существовавших на Переднем Востоке (но без уточнения региона) аналогичных щитов (Borchhardt, 1977, S. E27). Рельефы Саргона и сиалковское изображение щита позволяют уточнить это предположение: прямоугольные плетеные щиты применялись на территории Древнего Ирана во второй половине VIII в. до н.э.

Каким образом греки могли узнать о таких щитах, существовавших в странах Северо-Западного и Центрального Ирана во второй половине VIII в. до н.э.? В Малой Азии и Средиземноморье в начале I тыс. до н.э. их изображений нет. В связи с этим следует отметить, что во II тыс. и в Греции, и в Хеттском царстве использовались, судя по изображениям, восьмерковидные щиты, т.е. подобное заимствование могло иметь место (в данном случае не важно, кто у кого заимствовал). Судя по ассирийским рельефам, на территориях к северо-западу от Ассирии, на которых ассирийская армия вела боевые действия, прямоугольные плетеные щиты не использовались. Урарты для изготовления щитов применяли плетение, о чем свидетельствуют фрагменты сплетенных из ивовых прутьев щитов, найденные в Кармир-блуре (Пиотровский, 1950, с. 24), причем, как и у ассирийцев, их щиты были круглыми. Во-первых, вместе с этими фрагментами были найдены бронзовые конические умбоны, которые,

судя по изображениям, крепились в центре круглых щитов; во-вторых, все найденные урартские бронзовые щиты, как и их изображения на бронзовых предметах, были круглыми. Следовательно, Иран и Греция — это крайние точки, где использовались прямоугольные плетеные щиты и где знали об их существовании.

Изображение копьяносца из Сиалка позволяет провести дополнительные параллели с эгейским миром. Если на двух расписных черепках и на цилиндрической печати из Сиалка В действительно изображены шлемы с гребнем (Ghirschman, 1974, p. 37) (рис. 6: 1–3), то к ним можно добавить изображение воина из Сиалка. Его «головной убор» аналогичен изображениям шлемов на сиалковской печати, т.е. без передней части гребня, однако на шлеме всадника на крылатом коне он имеется (Ghirschman, 1939, pl. XC:1, 2, XCVI: S. 810; рис. 6:2). Вертикальными штрихами в эту эпоху обычно изображались волосные гребни на шлемах. На сиалковском «головном уборе» воина вертикальные штрихи на загнутом конце гребня частично сохранились (рис. 1:б). Но необычным для изображения таких гребней являются их загнутые вверх концы. Однако исключения имеются. Шлемы, гребни которых имеют загнутые вверх концы, изображены на металлическом поясе из Киклаванда (Луристан), на золотом поясе из Хан-е Али-Текке (Крит), а на бронзовом щите из пещеры г. Ида (Крит) шлем имеет только задний загнутый конец гребня (Borchhardt, 1972, p. 70, 108, Taf. 25: 2–4) (рис. 6: 4–6). Аналогично последнему изображению гребня на шлеме коневода на сосуде из Арголиды (Courbin, 1966, pl. 44: C. 201/A, g)¹. Все изображения датируются в пределах второй половины VIII в. до н.э.

На ассирийских рельефах различаются три категории воинов, носивших шлемы разных типов. Из них только копьяносцы всегда в шлемах, что может служить дополнительным аргументом в пользу изображения именно шлема у полностью вооруженного копьяносца на сиалковском сосуде. В таком случае его шлем принадлежит к так называемому хеттскому типу с гребнем без специальной подставки (Borchhardt, 1972, S. 101–102). Он известен по изображениям в Греции уже с начала II тыс. и в Малой Азии в XV–XIII вв. до н.э., судя по изображению бога-воина из Богазкея/Хаттусы. В начале I тыс. такие гребни без подставки известны на тех же территориях (Borchhardt, 1972, Beil. E, F).

На ассирийских рельефах гребенчатые шлемы появились только в правление Тиглатпаласара III, но с другими типами гребней, которые вставлялись в специальные подставки двух видов (Borchhardt, 1972, S. 98–99). По времени их появление совпадает с окончательным завоеванием Ассирией стран позднихеттского круга. И это также связано с тем, что ассирийская армия состояла не только из ассирийских солдат, но и из военных отрядов, привлекаемых из завоеванных стран. Эти солдаты носили собственные шлемы, и таким образом различались военные части, составлявшие ассирийскую армию (Reade, 1972, p. 101–102, 104–106). Именно эти иноземные солдаты носили шлемы с гребнями на подставках, происхождение которых связано с территориями позднихеттских царств (Maner, 2009, p. 254–259). Ассирийские солдаты носили остроконечные шлемы без гребней уже в IX в. и позднее (рис. 2; 4; 5).

Объяснить появление в Иране, в Сиалке изображений шлемов с гребнем хеттского типа, тогда как в Ассирии и Урарту уже появились шлемы с гребнями на подставках, было бы затруднительно. Но, вероятно, их независимому появлению здесь способствовала существенно изменившаяся геополитическая ситуация в период ослабления Ассирии в конце IX — первой половине VIII в., что привело к усилению Урарту

¹ Возможно, не случайными являются сходные детали изображения головы коневода на этом сосуде и головы сиалковского воина, а также одинаково изображенная вертикальными линиями одежда(?) этого воина и всадника на амфоре из Арголиды (Courbin, 1966, pl. 8).

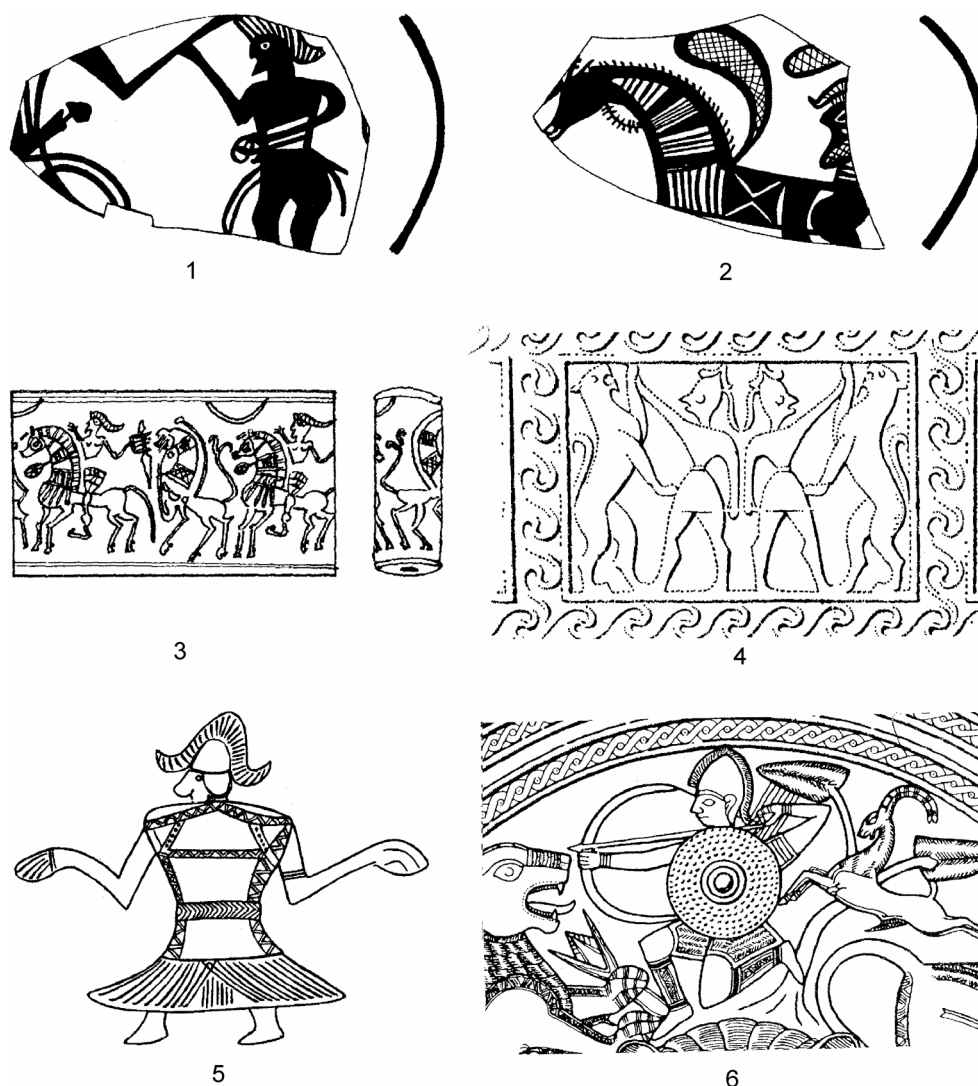

Рис. 6.

1–2 фрагменты керамики, 3 — цилиндрическая печать, Силк В
 (по: Ghirschman, 1939, pl. XC:1, 2, XCVI: S. 810); 4 — золотой пояс,
 Хан-е Али-Текке (Крит); 5 — металлический пояс, Киклаванд (Луристан);
 6 — бронзовый щит, пещера г. Ида (Крит) (по: Borchhardt, 1972, Taf. 25: 2–4)

и стран на постхеттском пространстве и в целом повлияло на общий культурообразующий процесс этого времени. Главным фактором, способствующим этому процессу, помимо всего прочего, была общая транзитная торговля в обход Ассирии, пути которой контролировало Урартское царство. Яркими примерами тому можно назвать становление северосирийских косторезных школ от Ирана до Греции не ранее VIII в. до н.э., а также структурное сходство греческой и силковской вазописи. Это сказалось и на появлении новых типов удил и псалиев в Малой Азии и в Иране, происхож-

дение которых связано с Южной Европой (Медведская, 2013, с. 412)². Эта благоприятная геополитическая ситуация просуществовала до правления Саргона, который после долгого перерыва начал борьбу за политическое господство на территории Древнего Ирана. В 714 г. урартские владения в Приурмийском районе Ирана, которые принадлежали урартам более 100 лет, были ими потеряны. Но это не означает, что налаженные торговые и культурные связи мгновенно прервались. Контроль Урарту над торговыми путями, проходившими к северу от озера Урмия до Каспийского моря, продолжался и в VII в. (Медведская, 2010, с. 137–141). На этом фоне появление изображений прямоугольных плетеных щитов на рельефах Саргона и на сиалковском сосуде вместе со шлемом без подставки для гребня не случайно совпадает по времени. Близость греческой и сиалковской вазописи в данном случае становится еще более очевидной.

Таким образом, изображение копьяносца на сосуде из Сиалка фиксирует элементы экипировки, которые, с одной стороны, можно датировать достаточно точно второй половиной VIII в., а с другой — фиксирует протяженные контакты или связи от Греции и Малой Азии до Ирана. Изображения плетеных щитов на ассирийских рельефах только времени Саргона и на греческой керамике служат дополнительным доказательством предложенной автором ранее датировки расписной керамики из могильника Сиалк В второй половине VIII в. до н.э. А в целом расписная керамика Сиалка и изображение копьяносца, в частности, являются свидетельством культурных связей Древнего Востока с Южной Европой, усилившихся в VIII в. до н.э., что прослеживается и на другом материале.

Список сокращений

РАЕ — Российский археологический ежегодник
 JNES — Journal of Near Eastern Studies
 IPEK — Jahrbuch für prähistorische and ethnographische Kunst

Список литературы

- Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н.э.). М., 1993.
Медведская И.Н. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н.э.): история Мидийского царства. СПб., 2010.
Медведская И.Н. Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития // РАЕ. 2013, № 3.
Пиотровский Б.Б. Кармир-блур I. Результаты раскопок 1939–1949. Ереван, 1950.
Borchhardt J. Homerische Helme. Mainz, 1972.
Borchhardt H. Frühe griechische Schildformen // *Archaeologia Homerica*. 1977. Bd I, S. E1-E56.
Courbin P. La céramique géométrique de L'Argolide. P., 1966.
Ghirschman R. Un mède sur les bas-reliefs de Nimrud // *Iraq*. 1974. Vol. XXXVI: 1–2. P. 37–38.
Ghirschman R. Fouilles de Sialk. T. II. P., 1939.
Ghirschman R. A propos de la Nécropole B de Sialk // *IPEK*. 1974/1977. Bd 24. P. 41–49.
Madhloom T.A. The Chronology of Neo-Assyrian Art. L., 1970.
Maner G. Neo-Hittite Helmets and Their Depictions // *SOMA 2007. BAR International Series 1900*. Oxford, 2009. P. 254–259.
Medvedskaya I.N. A Study on the Chronological Parallels between the Greek Geometric Style and Sialk B Painted Pottery // *Iranica Antiqua*. 1986. Vol. XXI. P. 9–120.

² Большое внимание вопросу связей между Грецией и странами Древневосточного региона уделено в работах О. Мускареллы (Muscarella, 2013, здесь же список лит-ры).

- Muscarella O.W.* Archaeology, Artifacts and Antiquities of the Ancient Near East: Sites, Cultures and Proveniences. Leiden–Boston, 2013.
- Paterson A.* Assyrian Sculptures: The Palace of Sinacherib. L., 1915.
- Reade J.E.* The Neo-Assyrian Court and Army: Evidence from the Sculptures // Iraq. 1972. Vol. 34,2. P. 87–112.
- Reade J.E.* Sargon's Campaigns of 720, 717, and 715 B.C.: Evidence from the Sculptures // JNES. 1976. Vol. 35,2. P. 95–104.
- Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapons from the End of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh, 1964.
- Yadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands in the Light of Archaeological Discovery. Jerusalem–Ramat Gan, 1963.

Summary

I.N. Medvedskaya

A Spearman from Sialk:

Rectangular Shields in the Ancient Near East

The article focuses on the rectangular shields depicted on Ancient Near Eastern reliefs and painted objects of the second and the beginning of the first millennium B.C. The main aspect of the article are rectangular weaved shields indicated by the brick-work pattern on the reliefs or by the chess-board on the painting. At the beginning of the first millennium B.C., if we are to judge from Assyrian reliefs, the rectangular weaved shields were used only in the countries of Ancient Iran. Comparison of these shields depicted on the Sargon II's reliefs, and painted on the Greek Geometric pottery and on the vessel from Sialk B (Iran) confirms the dating of the painting pottery from Necropole Sialk B to the 2nd half of the 8th century B.C., as was suggested by the author earlier.